

криминальная мелодрама

Алена ВИНТЕР

Танец со смертью,
или Вернуться и простить

Алена Винтер

**Танец со смертью, или
Вернуться и Простить**

«ЭКСМО»

2012

Винтер А.

Танец со смертью, или Вернуться и Простить / А. Винтер —
«Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-55624-3

В жизни Маши Калининой не было тайн. Любящие родители, друзья, работа – уютный мирок разрушился в один миг, когда Маша выяснила: она неродная дочь в семье и у нее есть старший брат. Девушка очень хотела встретиться с единственным родным человеком, не подозревая – его ищет не только она... Эдуард Тамм мечтал о мести: несколько лет назад приемная дочь и ее любовник Макс ограбили его и едва не убили. Уже давно Тамм с помощником Бертом искали виновных, пока не узнали о существовании сестры Макса. Недолго думая, они решили использовать девушку в качестве приманки... Маша не верила, что ее брат способен на преступление, и не собиралась выдавать его. Она была готова ко всему, но вдруг заметила – Берт обращается с ней неожиданно нежно...

ISBN 978-5-699-55624-3

© Винтер А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алена Винтер

Танец со смертью, или Вернуться и Простить

Часть первая

Глава 1

Иногда утром открываешь глаза и понимаешь, что не хочешь начинать новый день. Маша еще не проснулась окончательно, но уже знала, что сегодня – именно такой день. Она чувствовала слабость в теле, голова ее нещадно болела и кружилась, суставы и кости, казалось, кем-то выкручиваются изнутри. Во рту было неприятно сухо, а кожа на лице горела. В общем, имелись все признаки того, что она вновь заболела.

– О боже, как же мне плохо, – простонала она, поднявшись с влажных простыней.

Посидев несколько минут на краешке дивана в попытках решить, что предпринять, чтобы привести себя в тонус, она вновь прилегла и укрылась одеялом. «Сон поможет мне прийти в себя», – подумала Маша и посмотрела в окно, за которым уже начался солнечный день. Веки ее налились тяжестью, дыхание стало тихим и свободным, но полноценно уснуть она не смогла. Вместо этого она погрузилась в тяжелую полудрему, заставлявшую ее вздрагивать от неясных образов, мелькавших в затуманенном сознании.

Маша не могла понять, были ли это отрывки из ее прошлого, либо ее утомленный болезнью разум пытался рассказать ей некую странную историю, пугавшую молодую женщину ясностью и реалистичностью образов. Казалось, все звуки и голоса, окружившие ее, пока она пребывала в этом странном бредовом состоянии, были настоящими. Маша могла повторить каждое слово и действия тех, кто, казалось, был рядом с нею. Задорный смех женщины, обнимающей ее, маленькую девочку в легком голубом платье, эхом разлетался по комнате. А потом ее взяли на руки и закружили. В теле ее возникло ощущение небывалой доселе легкости, перед глазами все поплыло, и удовольствие от этого было огромным...

– Калинина, – вдруг услышала она свою фамилию и недовольно дернулась. – Машка! – Голос настойчиво звал ее, но она не хотела возвращаться в свою комнату, где вновь почувствует себя слабой и больной. – Да что с тобой?! Опять температура подскочила?

Прохладные пальцы пробежались по ее лбу и вискам. Маша открыла глаза, увидела перед собой обеспокоенное лицо подруги и, облизав пересохшие губы, поздоровалась:

– Доброе утро.

– Утро? – засмеялась Сима. – Уже полдень.

– Быть не может! – Маша подскочила было, но тут же опустилась на подушки: от этого резкого движения в ее затылке что-то тяжело запульсировало. – Я проснулась в семь и вновь задремала на несколько минут...

– И вот – уже двенадцать. Когда ты болеешь, время словно течет как-то иначе. А-а! – Сима зевнула и потерла глаза. – Я сейчас упаду от усталости. Буду дрыхнуть до завтрашнего вечера, только поем сначала. Сутки ничего не было во рту.

– Естественно, – слабо улыбнулась Маша, – ты же всю ночь со своим красавцем занята была! Времени и не хватило – ни на сон, ни на еду.

– С каким красавцем? – Сима непонимающе взглянула Маше в лицо.

– С тем, кто устроил тебе ночной марафон. Ариффулина, убери выражение полной наивности из глаз! Я слышала эхо ваших подвигов из соседней комнаты, хотела было пойти успокоить вас обоих, потому что вы не только мне мешали, но и соседям.

– Маша, я не ночевала дома. Вчера утром мы с тобой позавтракали, и я уехала в больницу, осталась там на дежурство. Меня не было дома больше суток!

– Как – сутки?! – Маша недоверчиво покачала головой. – Я, конечно, помню вчерашний день и наш совместный завтрак... я еще не сошла с ума! Но мне казалось, что ты вернулась ночью в компании Алексея. Вы так шумели. – Она с огорчением дотронулась до своего горевшего лба. – Я не могла ошибиться.

– О, подруга, да у тебя просто были глюки! – Сима вышла из Машиной комнаты, и в коридоре послышался ее громкий смех. – Вот это фантазия!

Маша подошла к окну и замерла, разглядывая двор. Неужели ей действительно показалось, что ночью в квартире кроме нее был кто-то еще? Кто это?.. чужой?.. От этой мысли она вся похолодела. Маша передернула плечами, освобождаясь от наваждения, и выбежала в кухню, где Сима накрывала на стол. Остановившись на пороге, она тревожно заморгала глазами.

– Калинина, успокойся. Наверняка у тебя была высокая температура. Этим и объясняются твои бредовые измышления.

Голос Симы изменился, в нем зазвучали профессиональные нотки. Она поставила тарелки на стол и подошла к Маше. Дотронулась пальцами до ее запястья, прикоснулась к лицу подруги, оттянула ее нижнее веко и внимательно всмотрелась в глазное яблоко. Маша улыбнулась, представив, как нелепо эта сцена выглядит со стороны.

– Доктор Ариффулина ведет прием на дому, – сказала она, чуть отодвинувшись от Симы.

– Плохо выглядишь, – прищурилась Сима.

– Это диагноз?

– Маша, я серьезно! У тебя учащенный пульс, глаза мутные... и слезятся к тому же. Лицо бледное, на веках – синяки, которые даже под тональником не спрячешь. Температура у тебя не меньше тридцати восьми! Сколько дней она держится? Пять? Семь?

– Четыре, – тихо сказала Маша, опустив голову.

– Ты очень похудела...

– Это всё тренировки. В последнее время в фитнес-центре наплыв клиентов.

– Не ссылайся на работу, – прервала подругу Сима. – Ты фактически перестала есть!

– Аппетита нет.

– Я вижу, – Сима ткнула пальцем в ее ключицу, и Маша болезненно сморщилась. – Калинина, что случилось? – Сима не дала Маше ответить на этот вопрос и продолжила: – Раньше ты с легкостью справлялась со всеми жирными мешками, приходившими к тебе тренироваться. А сейчас ты жалуешься на усталость. Но самое смешное – я понимаю, что ты не блефуешь, стараясь избежать наскучившей тебе работы. У тебя действительно нет сил.

– Ошибаешься. Силы у меня есть. – Маша открыла холодильник, достала сыр и ветчину. – Просто аппетит куда-то пропал и сон исчез. Может, мне стоит начать принимать успокоительное? Сима, помоги, выпиши мне что-нибудь, не могу я больше не спать!

– Пилули помогают только тогда, когда ты знаешь причину своего нездоровья.

– Не люблю, когда ты и дома продолжаешь оставаться в образе врача, – скривилась Маша, но не от слов Симы, а от вида еды.

– Врач не может быть врачом только в больнице. Это – образ жизни. Но сейчас я с тобой говорю по-дружески, а не как доктор Айболит. Возвращайся в постель, я принесу тебе что-нибудь теплое и сладкое. Собьем температуру, а завтра я отвезу тебя в свою клинику.

– В «свою»? – поддразнила Симу Маша, но та не отреагировала.

– Попрошу главного, чтобы он лично осмотрел тебя. Не откажет, – сказала Сима.

– Должник или любовник?

– Не хаами, – порекомендовала ей Сима. – У меня сил намного больше, поэтому я с легкостью с тобой справлюсь.

Маша с иронией оглядела худенькую фигуру подруги. Сима всегда была тощей, как тростинка, и из-за этой ее особенности к ней в детстве приклеивалось немало дурацких прозвищ. Тем не менее, несмотря на свою внешнюю хилость, Серафима Ариффулина отличалась железным здоровьем и несгибаемым характером. Конечно, она не могла бы похвастаться такой физической силой и выносливостью, как Маша, и причиной этому были слишком разные образы жизни, которые вели подруги. Сима была медиком: строгим, циничным, проявляющим заботу о других, но – абсолютно не уважающим свое тело и собственное здоровье. Она много курила, часто употребляла алкогольные напитки, убеждая себя и других, что эти два «спутника жизни» помогают ей выдержать тот бешеный ритм, в котором проходили ее трудовые будни.

В отличие от Симы Ариффулиной Мария всегда бережно относилась к своему организму. Она никогда не держала в руках сигарету, позволяла себе лишь один бокал белого вина – раз в месяц – и интенсивно тренировалась в центре, где работала инструктором по фитнесу. Но в последние дни ей в голову стали приходить странные мысли о том, что все это напрасно. Зачем нужно было мучить себя постоянными физическими нагрузками, круглый год закаляться, ограничивать себя во всем, если в ее, такое здоровое, тело все равно коварно прокрадась болезнь? Вот Сима, например, толком и не спит из-за занятости в клинике, ест всякую дрянь, пьет почти каждый вечер, выкуривает по двадцать сигарет в день, а здорова как бык! У нее даже насморка никогда не было, что уж говорить о температуре или усталости! Эта «машина» никогда не ломается, она всегда бодрая и веселая, порою даже слишком.

– Что уставилась? – Сима дернула подругу за руку.

Маша с улыбкой посмотрела на ее короткие каштановые волосы, вздернутый веснушчатый нос и орехового цвета глаза. Внешность Симы не изменилась со школы. Такой же дерзкой и хрупкой на вид она была и в десятом классе, только волосы обрезала и теперь носит смешное каре, делающее ее похожей не на взрослую двадцатипятилетнюю женщину, а на девчонку, только вступившую во взрослую жизнь.

– Знаешь, Сима, я не могу с тобой пообедать, – сказала Маша. – У меня почти не осталось времени.

– Куда спешишь? Свидание?

– Днем не бывает свиданий.

– Дорогая, – усмехнулась Сима, – похоже, мне придется тебе многое рассказать о тайной жизни взрослых мальчиков и девочек! Днем тоже можно трах... ходить на свидания.

Маша рассмеялась, и Сима с облегчением вздохнула, заметив, что настроение у подруги поднялось, да и выглядела она уже намного лучше. Со щек исчез лихорадочный румянец, и глаза перестали пугать болезненным блеском.

– Куда убегаешь-то? – вновь спросила Сима, пройдя вслед за Машей в ее спальню и наблюдая, как подруга накладывает на лицо косметику.

– Сначала мне нужно встретиться с Андреем, потом хочу заехать к родителям. Они все придумать хотят, какой бы сюрприз устроить мне в день рождения. Нужно предупредить их, что я не собираюсь отмечать.

– Стоп! – Сима подняла руку. – Значит, «днюхи» не будет? Опомнись! Двадцать пять лет лишь раз в жизни бывает.

– Как и двадцать шесть, – возразила Маша, по глазам Симы поняв, что та намеревалась спросить ее о другом, но не решилась. – Говори!

– Насколько я помню, ты больше не собиралась встречаться с этим импотентом.

– Это было сказано сторяча. И Андрей – не импотент.

– У тебя есть доказательства?!

– Ариффулина, прекрати эти нападки. Я сейчас не в состоянии дискутировать с тобой. Сима радостно хлопнула в ладоши и с победоносным видом уставилась на Машу.

– А мне хочется посплетничать, – заявила она и добавила: – У мужчины, который не хочет такую женщину, как ты, явные проблемы с членом и с его положением в окружающем мире! Либо твой Андрей – абсолютный импотент, либо у него психологические проблемы, либо...

– Я не интересую его, – закончила Маша.

– И вновь мы вернулись к моим прежним предположениям. Я тебя просто не понимаю, Калинина. Мужик тебя откровенно отталкивает, а ты все тянешься к нему! Может, проблемы личностного характера не у него, а у тебя? Странно, но прежде я не замечала за тобою склонности к мазохизму.

– Довольно! Ты меня утомила. – Маша подошла к шкафу и замерла, обдумывая, что надеть. – На улице тепло?

– Не жарко, – сказала Сима и вновь ринулась в наступление. – Почему тебя к нему так тянет?

– Сложно объяснить, – ответила Маша, натягивая шерстяное платье. – Андрей – веселый, добрый, с ним интересно, и он прекрасный рассказчик.

– Какие все-таки женщины глупые существа. – Сима сокрушенно покачала головой и вышла из комнаты. – Выпьешь со мной? – прокричала она из кухни.

– Еще рано для аперитива.

– Я имела в виду чай.

– Нет, – Маша посмотрела на часы, – иначе я опоздаю.

– Ладно, – согласилась Сима, заглядывая в комнату подруги. – Вечером поговорим. Передавай привет своим родителям. Давно я их не видела, надо будет им позвонить.

– Лучше съездила бы к моей маме на чашечку кофе, она обрадовалась бы тебе.

– Калинина, не заставляй меня придумывать отговорки. Скажу честно: сейчас у меня нет времени, но в выходные – не в эти, а следующие, – я думаю, получится.

– Тогда до встречи? – Маша легонько хлопнула Симу по плечу. – Ты будешь дома? Или у тебя другие планы?

– Еда, душ, сон, – отрапортовала Сима, открывая входную дверь. – Купи что-нибудь вкусненькое, когда соберешься возвращаться. Посмотрим какой-нибудь «сопливый» фильм, поговорим по душам... В общем, вечером я в твоём распоряжении.

Маша вышла во двор. У подъезда она едва не упала – яркие лучи солнца заставили ее зажмуриться, – и от прохладного воздуха у Маши закружилась голова. Она осторожно присела на скамью и опустила голову, пытаясь прийти в себя. У нее возникло желание вернуться домой и спрятаться под теплым одеялом, но Маше не хотелось отменять встречу с Андреем. Они и без того виделись редко. Поэтому она несколько раз глубоко вдохнула и поднялась.

Спрятав глаза за солнечными очками, она почувствовала некоторое облегчение и направилась в сторону метро. Андрей ждал ее в кафе на Невском, и Маша боялась опоздать, потому что до момента встречи оставалось мало времени, а от дома, где они с Симой снимали квартиру, до центра города нужно было сделать две пересадки. В метро Маша снова почувствовала себя нехорошо. Прийти в себя ей помогли мысли о человеке, в которого она была влюблена уже несколько месяцев.

Они познакомились полгода назад в фитнес-центре, где Маша работала инструктором. Сначала Андрей не произвел на нее впечатления. Светловолосый, сероглазый, худой, он очень отличался от мужчин, которые ее окружали, и в первую очередь subtilной фигурой. Маша привыкла общаться с атлетами, ревностно следившими за своей мускулатурой, Андрей же выглядел на их фоне несформировавшимся подростком. Впрочем, именно эта непохожесть на остальных и заставила девушку обратить на него внимание. Позже она узнала о его спокойном характере, увидела, как светятся его глаза, когда он рассказывает какую-нибудь историю из

своего прошлого, услышала его мягкий, влекущий смех – и незаметно для себя влюбилась. Рядом с Андреем ей было хорошо, она не чувствовала обычной скованности, более того, Маше казалось, что общение с ним открывает перед ней некий неизвестный, но очень интересный мир, о котором она ранее не знала. Огорчало одно: Андрей четко дал ей понять, что ищет лишь дружеских встреч и не рассматривает ее в качестве подруги. Сначала Маша злилась на него, даже отказывала ему в этих встречах, но потом поняла, что поступает глупо, теряя мужчину, который ведет себя так открыто и честно. Пожалуй, Андрей был единственным, кто не пытался вовлечь Машу в любовные интриги и просто наслаждался ее обществом. И все же иногда ей хотелось перевести их отношения на другой уровень, однако все ее попытки оказались безрезультатными: Андрей проявлял по отношению к ней мягкость и участие, но оставался все таким же далеким и недоступным.

– Я задержалась? – спросила она, подойдя к столику. – Давно ждешь?

Мужчина поднялся, помог ей снять пальто и галантно отодвинул стул в сторону, приглашая ее присесть.

– Не беспокойся, – ответил он. – Я не скучал.

– А хотелось бы!

Маша случайно обронила эту фразу и смутилась, так как не раз обещала себе – не говорить Андрею о своих чувствах вслух.

– Что закажем? – спросил он.

– Я буду кофе, – быстро ответила Маша. – Как у тебя дела? Давно не виделись.

– Работы много, – он испытующе всмотрелся в ее лицо. – У тебя, я вижу, тоже. Неважно выглядишь.

– Грустно слышать подобное от мужчины, который тебе нравится, – ответила Маша и вдруг рассмеялась, так как за последние пять минут уже дважды нарушила свое обещание. – Прости. Не сдержалась.

Мужчина улыбнулся, накрыл ее руку своей ладонью, отчего ее смех резко оборвался. Он нечасто позволял себе дотронуться до нее, только в те моменты, когда сообщал, что намерен надолго уехать из города. Маша знала, что он работает в крупной компании, правда, она не имела понятия, чем эта компания занимается. Впрочем, это ее не интересовало, имело значение только то, что теперь они долго не увидятся. В прошлый раз Андрей был вынужден уехать на месяц, после возвращения он пробыл в городе лишь несколько дней и вновь куда-то исчез. Так повторялась много раз, и Маша всегда ощущала пустоту в сердце, когда его не было рядом.

– Когда ты уезжаешь? – спросила она.

– Завтра.

– Надолго?

– Допрашиваешь? – улыбнулся он. – Лучше расскажи, как ты?

Маша пожала плечами, не зная, что ответить:

– Все как обычно. Работа, дом. Болела недавно. Думала, что выздоровела, но, как оказалось, еще нет.

– Ты и сейчас плохо себя чувствуешь? – беспокойство послышалось в его голосе. – Не стоило тебе сюда приходить. Могли бы и по телефону поговорить.

– Но я хотела увидеть тебя! Гораздо интереснее разговаривать, глядя друг другу в глаза, чем прижимать к уху холодную трубку.

– Значит, все по-старому? Других новостей нет?

– О чем ты? – Маша поблагодарила официанта, принесшего кофе. – У меня каждый день случаются новости. Я же не одна живу, а с Арифудиной, она всегда что-нибудь отмачивает.

– Забавное слово. И Серафима твоя тоже забавная.

– Ей об этом лучше не знать: разозлится. Она ведь тебя не жалуется.

– Мы же виделись только один раз. Как можно за час просканировать человека и понять, что он плохой?

– Ну, это же Сима! Свое мнение она составляет быстро и потом редко его меняет.

Маша отпила глоток горячего кофе и почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Она отодвинула чашку и отвернулась в сторону, пряча лицо от Андрея.

– Мария, что с тобой? Тебе плохо?

Она посмотрела на него и покачала головой:

– Если ты рядом, мне не может быть плохо. Когда вернешься?

– Не знаю. Но я обязательно тебе сообщу.

Она заметила, что Андрей встревоженно посмотрел в окно, оглядел улицу. Выражение его лица стало напряженным, что отразилось и в его голосе, и в поведении.

– Мне пора, – сказал он.

– Так быстро? – удивилась Маша, но решила не уговаривать его остаться в этом милом месте еще на несколько минут, чтобы продлить удовольствие от общения с ним.

– Ты поедешь домой? – спросил он вместо ответа.

– Нет. – Маша покачала головой. – Я обещала встретиться с родителями, поэтому сейчас поеду к ним.

– Как они? – голос его заметно потеплел, словно он спрашивал не о незнакомых ему людях, а о ком-то близком и дорогим.

– Хорошо. Готовятся к моему дню рождения. Смешно получается: не я намерена устраивать себе праздник, а они собираются отмечать.

– У тебя хорошие родители.

– Не жалуюсь, – Маша поднялась со стула и накинула на плечи пальто.

– Давай я отвезу тебя, – предложил он, и Маша счастливо улыбнулась:

– Согласна!

Машина была припаркована недалеко от кафе, и Маша обрадовалась тому, что ей не пришлось далеко идти. Она чувствовала, что сил у нее совсем не осталось и вряд ли она добралась бы домой на метро.

– Прошу, фрау Мария. – Он галантно открыл перед ней дверцу.

– Как красиво это прозвучало, – тихо проговорила она. – Говоришь по-немецки?

– С чего ты взяла?

– Слова лились так гладко, с характерным звучанием, как может говорить лишь человек, часто пользующийся этим языком.

Мужчина рассмеялся, обошел машину и сел за руль.

– Тебе бы лингвистом работать, а не гантели таскать, – сказал он. – У тебя идеальный слух!

– Так я угадала?

Он немного замялся, но все же кивнул. Маша посмотрела на проплывавшие мимо них машины, магазины, дома...

– Андрей, а куда ты едешь?

– Везу тебя к твоим родителям.

– Я не говорила, где они живут. – Она, нахмурившись, взглянула на него. – Но маршрут правильный.

– Дорогая, мы всего лишь выезжаем из центра. – Он с усмешкой похлопал ее по коленке. – Теперь называй адрес. А еще лучше скажи, где поворачивать.

Маша кивнула, но отчего-то ей показалось, что Андрею известно, куда нужно ехать, просто он пытался заверить ее в обратном. Не желая портить себе настроение этими непонятными и почему-то пугающими размышлениями, она быстро переключилась на дорогу и беседу с человеком, которого, как она предполагала, теперь не скоро увидит.

– Приехали.

– Отчего люди всегда говорят именно это, когда машина останавливается? – спросила Маша, не ожидая от него ответа. – Спасибо за встречу. Правда, она оказалась короткой и пустой.

– Не злись. – Мужчина нежно потрепал Машу по щеке. – Ты такая горячая!

– Температура опять поднялась, – ответила Маша будничным тоном, будто подобное случалось с нею несколько раз в течение дня. – Увидимся? – спросила она, подставив ему щеку для поцелуя.

– Непременно. – Он быстро коснулся ее щеки губами.

– Тогда пока. – Маша вдруг разозлилась оттого, что Андрей, чмокнув ее, быстро отодвинулся, как ошпаренный, и резко открыла дверцу.

Проследив взглядом за уезжавшей машиной, она несколько минут постояла в тишине двора и нехотя вошла в подъезд. Поднявшись по лестнице на второй этаж, Маша остановилась у двери квартиры родителей, чтобы перевести дыхание, которое никак не хотело восстанавливаться, и придать лицу спокойный вид. Иначе, увидев ее, такую взъерошенную и запыхавшуюся, мама станет волноваться, следом за ней начнет беспокоиться отец, а тревожить родителей Маше не хотелось.

Уже собираясь позвонить, Маша вспомнила о ключах. О них она часто забывала, так как уже давно перестала считать квартиру родителей своей и приходила сюда скорее как гостя, нежели как хозяйка. Своим домом Маша называла квартиру, которую они с Симой снимали уже больше пяти лет, еще со времен их учебы в университете. Конечно, подруги понимали, что когда-нибудь им придется разъехаться, но пока что обеих устраивала эта совместная жизнь. Сима была хорошим компаньоном: девушка она была аккуратная, редко шумела, мужчин приводила нечасто и почти всегда пропадала на работе. Порою они не виделись в течение нескольких дней, лишь перезванивались, чтобы объяснить друг другу свое длительное отсутствие.

Они начали дружить еще в школе, за это время многое изменилось в их жизнях, лишь отношения их остались прежними. Они отличались прочностью, взаимной снисходительностью к ошибкам друг друга, но главной их особенностью была свобода, которая никогда и ничем не ограничивалась. Маша и Сима были близки, но вместе с тем они не зависели друг от друга. У них были разные увлечения, знакомые, привязанности, наконец, работа, однако именно это делало их дружбу насыщенной и интересной. В ней не оставалось места для скуки, она всегда была яркой и новой.

– Мама! – Маша остановилась на пороге, раздеваясь, и улыбнулась вышедшей из кухни матери. – Мамочка! – Она раскрыла объятия, и мать крепко прижалась к ее груди. – Как же я соскучилась!

– Солнышко, если ты так сильно скупаешь, как утверждаешь, может, вернешься домой? А еще лучше, давай мы купим тебе квартиру рядом с нашей.

– В этом же подъезде? – пошутила Маша и принялась. – Что это?

– Ягодный пирог.

– Отлично! – обрадовалась Маша. – Не придется заходить в магазин за «вкусненьким» для Арифудиной. Она будет рада такому подарку.

– Ты голодна, зайчонок? – засуетилась мама и улыбнулась. – Ну вот. Не видела тебя чуть больше недели, а ощущение такое, будто мы год в разлуке прожили. Как ты, моя девочка?

Маша снова обняла маму за мягкие плечи и поцеловала в лоб. Она с любовью посмотрела в ее счастливые глаза и вздохнула. За последние годы мама сильно изменилась. По ее лицу веером разбежались морщинки, кожа потемнела, волосы потускнели, но все равно она осталась такой же красивой, как и прежде. Во всяком случае, так думала Маша, и отец подтверждал ее слова. Он считал свою жену непревзойденной красавицей, о чем не уставал повторять. Валентина Борисовна застенчиво краснела, но ей было приятно слышать комплименты от мужчины,

которого она искренне любила. Маша часто удивлялась, глядя на своих родителей, сумевших сохранить нежность в отношениях. Казалось, за тридцать лет брака чувства их должны были угаснуть либо стать более сдержанными, но родителей, похоже, подобное не устраивало. Они все так же проявляли мягкость и доверие по отношению друг к другу и учили этому свою единственную дочь.

– Маша, ты не ответила, – напомнила мама. – Чем тебя угостить?

– Я не голодна.

– Ты похудела, – покачала головой Валентина Борисовна.

– А ты поправилась. – Маша шутливо ткнула пальцем в мамин округлившийся живот.

– Твоя правда. Не знаю, как это случилось, но у меня вдруг появились лишние семь килограмм. Чай или кофе?

– Чай, – улыбнулась Маша, обрадовавшись забывчивости мамы: еще минуту назад она начала разговор о фигуре дочери, теперь же переживает из-за своего веса, но при этом уплетает кусок пирога. – Mam, я хотела сказать, чтобы вы с отцом не придумывали для меня... – она замялась. – Я не хочу отмечать день рождения.

– Почему? Что-то случилось?

– Все в полном порядке! Просто я не считаю этот день праздником. Я никогда не любила его. Хотя, нет. Мне он всегда был безразличен.

– Дочь, ты лукавишь, – прищурилась Валентина Борисовна. – Или нечто утаиваешь. Сама расскажешь или придется тянуть все из тебя по слову? А может, мне надо позвонить Серафиме? Она быстро все сообщит мне о причинах твоего нежелания отмечать юбилей.

– Слово-то какое помпезное! – взмахнула руками Маша. – Юбилей! Не звони Симе, нового она тебе ничего не скажет. Кстати, а где папа?

– В клинике. Сегодня у него очень загруженный день, он даже на обед не приезжал.

– Жаль, что мы не встретимся, – искренне огорчилась Маша. – Но ты передай ему мою просьбу. Я не желаю этого пустого праздника! Будет лучше, если я просто приеду к вам, ты приготовишь ужин и мы посидим дома за бутылочкой вина и разговорами. Тихо, спокойно, без всяких чудачеств.

– Уверена?

– На все сто, – кивнула Маша.

– Надеюсь, от подарка ты все же не откажешься?

– Мама, – лицо Маши стало серьезным, – одно дело – ответить отказом на предложение устроить шумную вечеринку, и совсем другое – не принять подарок. Только глупец откажется от машины.

– Отец проболтался! – прицелкнула языком Валентина Борисовна и укоризненно покачала головой.

– По-другому и быть не могло. Я лично выбирала ту красотку, которая и будет отныне меня «возить».

Маша посмотрела в окно. Небо уже окрасилось в темные тона: незаметно наступил вечер.

– Все-таки не станешь дожидаться отца? – спросила Валентина Борисовна, когда дочь объявила о том, что она уходит.

– К сожалению, нет. Поцелуй его вместо меня.

Маша ощущала такую усталость, что готова была упасть прямо в прихожей, но быстро собралась с остатками сил, боясь напугать маму внезапным обмороком. Она стремительно оделась, расцеловала Валентину Борисовну на прощание и выбежала за дверь.

– Пустой день, – пробормотала она, глядя в темное небо. – Черт! – вдруг выругалась она, вспомнив, что не взяла для Арифудиной мамин пирог.

Теперь придется заезжать в магазин... Маша появилась дома только через два часа. Поставила коробку со сладостями на столик для ключей и, не снимая обуви, прошла к себе в комнату. С протяжным вздохом легла на диван и прикрыла лицо ладонями.

– Совсем плохо? – с сочувствием спросила Сима, появившись в комнате подруги.

Она заботливо сняла с нее сапоги, отставила их в сторону, помогла Маше подняться и сбросить пальто.

– Калинина, ты меня пугаешь!

– Брось. Завтра мне станет лучше. Обещаю: я болею последний день, утром проснусь здоровой.

– Нужно показаться врачу, – сказала Сима, заботливо укутывая дрожащую Машу одеялом. – Твое самолечение не дает результатов.

– А ты мне зачем же? – едва слышно пробормотала Маша. – К тому же я была у врача. Он выписал таблетки от кашля.

– Но у тебя нет кашля.

– Вот именно. Поэтому я и не хочу видеть докторов. Да, я сласти всякие привезла, как ты просила. В прихожей оставила.

– Умница. – Сима расплылась в улыбке, присела рядом с Машей, погладила ее по щеке, дотронулась до ее висков, шеи. – Калинина, ты вся горишь! Значит, так, завтра ты едешь со мной в больницу. Никаких отговорок!

Глава 2

Утром Маша, как и обещала, проснулась свежей и отдохнувшей, будто вообще не болела. Впервые за последние дни она чувствовала себя здоровой: температура опустилась до уровня нормальной, голова перестала кружиться, боли в суставах прекратились. И самое главное, к ней вернулся аппетит. Именно поэтому Маша объявила Арифудиной, что поездка в больницу отменяется. Сима, удивленная ее столь быстрым и неожиданным выздоровлением, запротестовала.

– Поедешь, – заявила она категоричным тоном. – То, что сейчас ты чувствуешь себя более или менее хорошо, еще ни о чем не говорит. К вечеру прежнее состояние может вернуться.

– Сима, не более или менее, – поправила подругу Маша, – а конкретно хорошо. У меня прилив сил! Мне снова хочется жить, что-то делать, а не валяться без всякой пользы в постели. Ты же заставляешь меня ехать в больницу и напрасно терять время. Мне нужно в фитнес-центр, я должна им сообщить, что готова к работе. Я уже соскучилась по своим тренажерам и «толстым мешкам», как ты недавно любезно выразилась.

– Работа подождет, – настаивала Сима. – Не шути со здоровьем, Калинина! И прекрати искать причины для отказа. Мы едем в больницу. Точка! Тем более я уже сообщила главному, что привезу тебя. Представь, в какое положение ты меня поставишь, если откажешься от обследования? Михаил Валерьевич отложил все дела и готов заниматься только тобой.

– Михаил Валерьевич?

– Заведующий терапевтическим отделением, – пояснила Сима. – Мой непосредственный босс и хозяин, – хмыкнула она, произнеся последнее слово. – Так, во всяком случае, он себя называет.

– То есть ты от меня не отстанешь? – лукаво улыбнулась Маша. – Шансов отказаться у меня нет?

– Ни одного. – Глаза Симы были серьезными. – Ты очень напугала меня вчера. Не хочу, чтобы нечто подобное повторилось.

– Ладно, уговорила, – вздохнула Маша, демонстрируя свою полную капитуляцию. – Только скажи, что там со мной будут делать?

– Проводить запрещенные опыты и испытывать на тебе новые лекарства.

Маша растерянно посмотрела на подругу.

– Калинина! – вдруг разозлилась Сима. – Ты как пятилетний ребенок, который боится укола! Что с тобой там могут сделать? Проведут профилактический осмотр, выполнят общий анализ крови. Хорошо, что ты не успела позавтракать, иначе процедуру пришлось бы отложить. Видишь ли, это лучше делать натошак. Да, не забудь сделать маленькие дела в баночку. Тоже пригодится.

Сима говорила, не останавливаясь, и одновременно гладила юбку. Складывалось такое впечатление, будто она повторяет заученный накануне урок, а не рассказывает о том, как Маша проведет следующие несколько часов.

– Сделаем ЭКГ. Отправим тебя к окулисту, лору, гинекологу...

– Сима, ты шутишь? – спросила притихшая Маша. – Зачем все это?

– Для того, чтобы узнать точную картину.

– Картину чего?!

– Маша, ты думаешь, это нормально, когда у человека в течение недели держится высокая температура? Когда он слаб, предельно утомлен и масса его тела быстро снижается? Кроме того, у тебя и кровь носом шла.

– Неправда, – возразила Маша.

– Я видела окровавленные салфетки в мусорном ведре, поэтому нет смысла лгать.

Сима натянула плотные колготки, юбку и блузку и, остановившись у зеркала, придирчиво себя осмотрела. Видимо, увиденное вполне удовлетворило ее: она улыбнулась и подмигнула своему отражению.

– Калинина, поторопись! – прокричала она из коридора.

Маша обреченно посмотрела в ту сторону, откуда раздался голос подруги, и присела на диван. Она вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, которой взрослые указывают, как ей следует поступать, а сама эта девочка не имеет решимости отказаться не делать то, что ей не нравится. Все же Маша понимала, что Сима беспокоится о ней, оттого и настаивает на этом осмотре.

– Уже иду, – сказала она Симе. Подруга недовольно постукивала пальцами по двери и считала вслух убегающие секунды. – Зануда!

– Мне больше нравится слово «манипулятор», – усмехнулась Сима, подав Маше сумочку.

В больнице Маша пробыла три часа. Бесконечное посещение различных врачей утомило ее. Благо что рядом с ней был Михаил Валерьевич, босс Симы, при непосредственном участии которого ей не пришлось стоять в очередях. Серафима Аркадьевна также удостоила Машу своим вниманием, лично осуществив забор крови. Маша с удивлением наблюдала за ее сосредоточенным лицом и спокойными движениями. В Симе напрочь отсутствовала та нервозность, которую привыкла в ней видеть Маша. Здесь, в больнице, подруга и выглядела, и вела себя по-другому: как настоящий врач, надежный, уверенный и мягкий одновременно. Последнее качество Маша считала наиболее важным, так как оно успокаивало пациентов и делало их пребывание в этих стенах менее удручающим и тревожным.

– Ариффулина, тебе идет белый халат, – улыбнулась она, глядя на пробирку с красной жидкостью.

– Спасибо. – Сима изобразила реверанс и передала пробирку медсестре. – Сейчас мы твою «четверку» на анализ отправим. И все, можешь ехать домой.

– Что ты отправишь на анализ? – переспросила Маша.

– Твою кровь. «Четверка», потому что четвертая группа.

– Но у меня же первая группа. И в карточке написано, что первая.

– Как первая? – удивилась Сима, подошла к столу и взяла в руки амбулаторную карту Маши. – Да, точно, первая. Я просто... В прошлом году, когда твоя мама болела, она обращалась в нашу клинику. Мы сделали все необходимые анализы... – Сима почему-то замялась на мгновение, как-то беспомощно оглядевшись по сторонам. – Я точно помню, что у Валентины Борисовны четвертая группа. Она еще сказала тогда, что и у твоего отца такая же. Вот я и сделала вывод... Ошиблась!

– В чем ошиблась? – не поняла Маша и вдруг заволновалась. – Что-то не так?

– Все нормально, Калинина, – уверенно ответила Сима. – Даже такие гении, как я, иногда допускают ошибки.

– Какие ошибки? – не унималась Маша.

Сима бросила расстроенный взгляд на Михаила Валерьевича. Он молча прислушивался к их разговору.

– Машенька, все в порядке, – наконец сказал он и поднялся с кресла. – Сейчас мы проведем клинический анализ крови, это уже наша работа. От вас требуется только спокойствие и улыбка. Ну, улыбнитесь мне!

Он дотронулся пальцами до ее подбородка и заставил Машу посмотреть на него. Та, глядя в его светящиеся глаза, неуверенно растянула губы в улыбке. Михаил Валерьевич тоже улыбнулся, показав ряд потемневших от многолетнего курения зубов. Он стал похож на старую лошадь, добрую, безмятежную и абсолютно не умеющую кусаться. Маше даже захотелось потрепать его по холке и погладить его ввалившиеся щеки. Естественно, Маша не посмела этого сделать, однако она невольно потянулась вперед, словно намеревалась обнять

его. Михаил Валерьевич с кокетливым выражением лица постучал пальцем по ее носу и, еще раз улыбнувшись, произнес:

– Серафима о вас многое рассказывала.

– Надеюсь, только хорошее, – сказала Маша и покачала головой. – Банальная фраза, но ничего более остроумного мне не пришло в голову. Значит, я свободна?

– Иди. – Сима махнула рукой. – Вечером увидимся. И не вздумай возвращаться на работу! – добавила она, повысив голос. – Пока анализы не будут готовы, я рекомендую тебе оставаться дома.

– Серафима, я чувствую, что ты метишь на мое место, – зычно хохотнул Михаил Валерьевич, ущипнув Симу за бедро, отчего та взвизгнула. – Ведешь себя, как я в твоём возрасте. Нагло, уверенно и по-хозяйски. Я, между прочим, уже в университете знал, что стану заведующим отделением.

– Значит, мои амбиции превосходят ваши, – ответила Сима, коварно усмехнувшись. – Я нацелилась на место главврача! Не меньше. И вообще, плох тот медик, кто не мечтает стать министром здравоохранения.

Михаил Валерьевич тихонько хмыкнул, потянулся к диванчику, где лежала Машина сумочка, и подал ее молодой женщине. Та благодарно кивнула и направилась к двери, выбросив в урну ватку, которую Сима приложила к месту укола.

– Спасибо за помощь и участие, – сказала она, повернувшись к Михаилу Валерьевичу. – Сколько я должна...

– Оставьте, – оборвал он ее на полуслове. – Это лишнее. – Он причмокнул губами. – Мы с Серафимой Аркадьевной сами договоримся.

Выходя из клиники, Маша задержалась на мгновение на пороге, глубоко вдохнула прохладный воздух и медленно побрела к станции метро. У нее появилось ощущение, будто болезнь возвращается: плечи заломило от усталости, да и щеки на ощупь казались горячими.

Дома, приняв душ и перекусив, Маша с облегчением поняла, что ошиблась. Она чувствовала себя хорошо, даже бодро, однако мысленно все время возвращалась к разговору в кабинете Михаила Валерьевича, ощущая некую растерянность.

Заварив крепкий кофе, Маша долго сидела в кухне, прислушиваясь к тишине в квартире. Ей было тоскливо, как никогда прежде, и понять причины подобного состояния она не могла. В ее жизни все было прекрасно – хорошая работа, нежные родители, верная подруга, масса поклонников, однако она испытывала смутное ощущение, словно ей чего-то не хватает. И это «что-то» не давало Маше покоя.

До самого вечера Маша ходила по комнатам, казавшимся ей какими-то чужими, и пыталась понять: отчего в ее голове и сердце поселилась пустота? Через несколько часов, предприняв массу безрезультатных попыток самоанализа, она, наконец, заставила себя успокоиться. А чтобы окончательно прийти в себя, решила отвлечься и включила компьютер. Фильм, который Маша начала смотреть, был скучным, вернее, она просто отвлеклась: думала не о происходящих на экране событиях, а об удивлении Симы, когда та узнала, что у нее первая группа крови – притом что у ее родителей четвертая. Маша выключила фильм и ввела в поисковую строку интересовавший ее вопрос. Пришлось долго разбираться в специальных незнакомых терминах, изучать сайты медицинских исследований. Она открывала все новые и новые ссылки, и постепенно картина начала вырисовываться. Удивление Симы уже не казалось ей загадочным, тем более что ему нашлось научное объяснение.

От входной двери послышался шум, и в коридоре показалась Сима. Вернее, не видя подруги, Маша знала, что пришла именно она, потому что, кроме них двоих, ключей от квартиры не было ни у кого.

– Калинина, ты дома?! – прокричала Сима.

Вместо ответа Маша вышла в прихожую и в замешательстве замерла: Ариффулина стремительно подбежала к ней и схватила за плечи.

– Привет, – сказала Сима, крепко сжимая пальцы. – Ты как?

– Хреново, – усмехнулась Маша.

– А что... – начала Сима, но замолчала, заметив, что Маша не высказалась до конца.

– Я вспомнила тот вечер, когда мама мне рассказывала, как они с отцом познакомились, – сказала Маша, прошла в кухню и поставила чайник на плиту. – Ты тоже при этом присутствовала.

– При вашем разговоре?

Сима сбросила обувь, следом за Машей вышла в кухню и заглянула в холодильник. Достала с верхней полки йогурт и с отвращением посмотрела на него.

– Помнишь, как моя мама смеялась, – продолжила Маша, – рассказывая, что они с отцом подходят друг другу на генетическом уровне? Мало того, что у них одинакового цвета глаза, темные волосы, одинаковые отчества, так еще и кровь одной группы. Что ж, Симка, теперь я знаю, почему ты так удивилась, когда услышала, что у меня первая группа.

– Слушай, ты, детектив сран... – Сима с гневом бросила баночку йогурта в мойку, так и не открыв ее. – Ты ничего не понимаешь в медицине, в особенности в генетике, поэтому не смей строить тупые предположения!

– Ариффулина, расслабься, – Маша примирительно похлопала подругу по плечу и, услышав свист закипевшего чайника, отставила его в сторону и занялась приготовлением чая. – Все, что я нашла в Интернете, – лишь теория, но тебе, как никому другому, известно, насколько большое значение она имеет. Это свод общих правил, на которых базируется вся генетика.

– Словно медик заговорила, – ехидно сказала Сима и оперлась руками о подоконник. – Таким мнительным и недоверчивым особам, как ты, нельзя использовать возможности Интернета. Все это может плохо закончиться!

– Объясни мне, доктор Пилюлькин, как получилось, что у меня с моими родителями разные группы крови?

– Такое часто случается...

– Но не в моем случае. – Маша убежала к себе в комнату и вернулась с исписанными листками в руках. – Если у отца и матери четвертая группа крови, – прочла она, – то вероятность рождения ребенка с такой же группой равна пятидесяти процентам. С третьей и второй группой – вероятность по двадцать пять процентов на каждую. И ноль процентов – с первой! Но ты и сама это знаешь, раз так удивилась, узнав, что у меня – единица. Или как вы там еще называете мою группу крови? Просто «первая» или «0»? Я ведь права? – Маша схватила Симу за руку и с силой потянула подругу на себя. – Отвечай, Ариффулина! Если бы не твое случайное восклицание, я так ничего и не узнала бы!

– Чего не узнала бы? – Сима как-то обмякла от Машиного напора и растерялась.

– Что родители мне – не родные.

– А какие? – вскричала Сима. – Кто тебя растил? Кто любил, душу в тебя вкладывал? Чужие дядя и тетя?!

– Сима, не в этом дело.

– А в чем?! – продолжала возмущаться Ариффулина. – Подумаешь, группа крови не совпала! Это еще не повод, чтобы сомневаться в вашем родстве!

– Какой же еще нужен повод? – Маша тоже повысила голос.

Она вновь вышла из кухни, но так же быстро вернулась, держа в руках рамку с фотографией, на которой была запечатлена семья Калининых.

– Есть ли между нами какое-либо сходство?

Сима внимательно всмотрелась в застывшие на снимке фигуры. Валентина Борисовна, счастливая, прижимала к себе дочь, а Сергей Борисович нежно обнимал за плечи своих люби-

мых женщин. Маша действительно заметно отличалась от Калининых-старших. Светловолосая, белокожая и худая, она была полной противоположностью своим голубоглазым, темноволосям и склонным к полноте родителям. Сима удивилась и тому, что ни у кого из них прежде не возникало вопросов по поводу их родства. Хотя для этого не имелось предпосылок, поэтому сложно было представить, что Маша была удочеренным ребенком: уж очень нежными были отношения в их семье.

– Обрати внимание на цвет глаз, – посоветовала Маша, ткнув пальцем в лицо отца. – У меня глаза карие. Темные! А у родителей – голубые. Ребенок, у обоих родителей которого светло-голубые глаза, не может иметь глаза темнее, чем у них.

– Это лишь предположение. – Сима прикусила губу, понимая, что в голосе ее не слышится уверенности.

– Разве? Цвет глаз наследуется согласно законам Менделя. Я даже на одном медицинском сайте диаграмму нашла, на ней показаны... – Маша запнулась и прочитала с листка: —...шансы появления того или иного цвета глаз ребенка в процентном соотношении, в зависимости от цвета глаз его родителей.

– На медицинских сайтах еще и не такой бред пишут. Послушать тебя, так можно и тесты на ДНК не проводить! Зачем? Достаточно сравнить группы крови, цвет глаз, проверить, имеется ли у обоих родителей ямочка на подбородке... И все, результаты «экспертизы» готовы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.